

И С А Й Я

С О Ф Ы Н

Березовая горка

Рассказ

Жена обещала баню затопить, а я пока в поля. Не охотиться, а так, воздух вольный, подышать, а, может, и возьму чего, там же не угадаешь. Одно беспокойство, все бы она только правильно сделала, там главное — печку не перетопить, главное — чтобы вода в котле не закипела, пар сухой должен быть, обычно-то сам слежу. Да не забыла бы можжевельный веник запарить как следует, его почти час в кипятке держать надо, тогда уж он готов, можно...

Дров полно, машину березы сосед Мишка привез вчера, у дома в поленницу сложить надо. Пацаны из кучи будут кидать мне по полешку, а я — укладывать. Мишка, маленький мужик, росту до кепки немного, сухой, одни глаза. Живет дровами. У него зилок-самосвал полудохлый, вот он выснакивает на нем в поля, с сыном, они вдвоем обычно, там по логам сушины пилят, колют сразу и в кузов — рядами, так считать удобнее кубы. Я все думаю, как он управляется, маленький он какой-то для этакой работы, да и сын ненамного больше его. Но справляются как-то. Это хлеб их.

Задом в ворота закорячивает свой зилок, а мы ему все отмашки даем наперебой, дети туда-сюда, с толку сбивают, суета в общем, не каждый день дрова привозят. А у Мишкиного зилка один борт косою, гнутый, на полметра в сторону торчит, неудобно, а ворота впритык к машине, не свернул бы воротину, забот будет.

Пролез, наконец, из кабины спрыгнул, рычагом каким-то кузов задрал, а дрова плотно лежат, и пока кузов в самый верх не встанет, поленья не шевелится, а потом разом — ууух! Вот и куча среди двора. Сразу запах такой, что с ума сойти, береза свежелолая на весь двор пахнет, просто бери сто грамм, а после носом в поленья, и вдохнуть, как следует, ах, хорошо! Но это после.

— Мих, сколько я тебе?

— Ну, тут кубов пять с лишком, — Мишка, мужик тщательный, аккуратный, задумался, как положено, кто ж сразу ценю огорошит, тут надо продать и не обидеть: — Ладно, лишок твой, за пять давай. Хватит.

Лишок-то для красоты сверху, совсем слегка лежит, знаю, но обижать нельзя. Спасибо. Денег даю, Мишка их аккуратно берет и во внутренний карман куртки прибирает. Глубоко куда-то.

А дети вокруг носятся: «Дрова! Дрова!», — да на самый верх, чего еще пацанам надо? Хорошо в детстве, на березовую горку забрался, и уже — счастье.

Осень давно пришла, уже и снегу принесла, все прикрыто и снова подсыпает. Тихо, собаки по деревне не орут, и снег. Снежинки большие, будто сверху кто птицу щиплет, белыми перьями падает. В доме окошко светит, зимой всегда света мало. Жена чего-то у пли-

ты, сквозь занавеску видно. Закрыв ворота за Мишкой, глянул на покупку, надо будет сложить, завтра, может, возьмусь.

Сходил в дом, взял ружье, рюкзак, жена термос вслед вынесла с чаем:

— Ты надолго?

— Нет, часа три... может, четыре покатаюсь.

— Опять до ночи.

— Да ну, пораньше приеду, — а самого уже свербит, в поля надо...

— Закроешь ворота?

— Закрою.

Выезжаю на улицу, поворот, сквозь деревню поперек, по асфальту газу, поворот, все — на воле. Бело, снег, нифига не видно, просто знаю куда ехать, не теряюсь, тут любая кочка моя.

Предгорья чуть дальше полей, еще километров пять, а там уже начнутся лога, там и высоты хорошие, зверю не скучно. Туда и еду. Переключился на пониженную, скребусь тихонечко, движком не вою. Как трактор тарыхтит, зверю привычный звук, он трактора не боится, так и ползу не торопясь, под колесами слякотно.

В полях торопиться некуда, все, что только может быть у человека самого простого и понятного в жизни, — все у тебя там есть. Даже чай в термосе. Остановился, заглушил, вышел. Дверкой не хлопаю, дверку зверь километров за пять слышит, прижал аккуратно, лишь бы снег не попадал в салон, там лишняя сырость не нужна. Чаю налил в крышечку термоса, сигарета.

Стою, смотрю...

Снег этот чистый, и все вокруг, как только что родилось. Все новое, и вечер этот новый, и тишина новая, большая, сколько глаз хватает все тишина и снег. Столько всего и разом. А дома колотая береза кучей среди двора ... до сих пор запах в носу. Жена баню топил. Ждут меня все, даже веник можжевельный, и тот ждет. Ох, не забыла бы она про веник. Уезжать хорошо, а возвращаться еще лучше, но это потом.

Снег все тише. Хорошо, а то за снегом много не увидеть. Вовремя он кончается, успею пробежать за светлом еще. Снегу немного напало, и земля под ним еще не стылая, где лужа хорошая встретится, а где ледон под колесами хрустнет, но чуть в паханину и будет весело. Затянет колеса землей жидкой. Только не мои. Вездеход. А потому и спокойно. Никого в этих полях нет. Какой еще дурак, кроме меня, сюда ползет сейчас? Спокойно. И тишина вся вокруг моя, до последней снежинки моя. Поэтому и еду сюда, как время найдется чуть. И когда нет времени, все равно еду. Это бродячее одиночество по стылым полям, снегу, среди голых деревьев, по торчащей из снега стерне,

СОФЫН ИСАИЯ

родился в СССР.
Крещен. Почти
всю сознательную
жизнь прожил
на Алтае,
сейчас живет
в Финляндии.
Издано две книги.
Публикации
в периодике.
Пишет редко

Валерий Домрачев.
Иллюстрация к рассказу «Березовая горка»

наверное, это и есть мое счастье. Так немного надо человеку. Потому и еду...

Ксюху не взял, сегодня снег чистый, все сам увижу если что. А то она шепутная, чуть зверя-птицу в окно увидела, все, туши свет. Тоненько, будто штопор в голову винтит, визг поднимет. Да и когда зверя гонит так же орет, прям шило в голову, да аж задыхается от азарта. Не стал сегодня брать. Тишины хочу, а она скандал поднимет. Орала благим матом, как уезжал из дома-то, знает ведь, куда я поехал, ее не обманешь. Плач Ярославны на всю деревню мне вслед: как же так, меня-то не взяли. Обиделась, наверное. Обиделась...

Ворона внимательная смотрит с верхушки березы, как ползу через грязь. Вороны — умные птицы, цепкие, все знают про тебя, и другим расскажут. А эта молчит, просто смотрит... ну, смотри. Не убудет. А вот тут можно и повыше подняться, ложок узенький, машину боком, одним бортом по склону, иначе вниз, в кустари стащит, слякоть, оттуда трактором только доставать, ползу по стеночке.

А наверху другое поле, тут гречку по краям комбайн не убрал, дожди уже были, и где крутяки, туда колхозник не полез убирать, побоялся сползти вниз, так ошметки и стоят. Под снег уйдет все. Не пропадет. Дикой животине зимой будет прокорм.

Опаньки, стайка куропаток поднялась, кормились гречкой рядом. Та-а-ак. Куда сядем? Прошли краем поля и чуть вниз, к склону ближе, и сели так, что мне отсюда не видно. Двигатель не глушу, ползу вдоль края с той же скоростью, тихонько. Вот тут и остановиться можно. Выхожу, дверь прижать, снег ногами толкать вперед стараюсь, тут ноги поднять — снег захрустит, волоку ноги тихо и чуть приседаю ближе к склону. Где ж вы, птички мои?... Фрррр, метров десять от меня, так и не увидел, где сидели, зато прикладом в плечо успел ударить. Подобрал. Чисто бил. Хорошо.

Подранков не люблю, только когда Ксюха со мной, там терпимо, она по-собачьи на себя грех берет, добавит подранка, пока подхожу — уже все. Можно брать. Не люблю подранков. Спасибо Ксюхе...

Так вот и живем, есть вкусно нам не стыдно, а убивать стыдно, даже совесть иногда мучает, вот и поди разбери нас, какие мы?..

Куропатки вниз ушли, в колок на нижнем поле, ладно, мне сегодня хватит. Термос, сигарета, птичку в машину положил, жирная, осенняя, пацанам покажу.

Как-то выскочили с ними в поля, не сильно-то они и охотники у меня, а вот чего-то сподобились и в поля со мной вдруг согласились. Я тетерева молодого стрельнул, на березе торчал во всей красе, так Илька, младший, лет пять ему тогда было, рванул под ту березу раньше Ксюхи, тетерева в густой траве нашел быстрее ее. Я тогда Ксюхе: «Ты чё, — говорю, — совсем плохая стала? Илька-то скорей тебя тетерева отыскал». Смеюсь. А она тогда молодая совсем была, от азарта ей мозги видно переключило, металась там, а все зря. Ильку потом, дома, с этим его тетеревом законным — фотографию сделал. Стоит гордый до невозможности, а то! Ксюху застыдил. А ведь обиделась. Ладно, с меня причитается, возьму еще, не последний раз.

Еще чайку капнул. Термос мой старый, нержавеющей, уж столько из него чая выпито, что теперь можно просто голый кипяток в него заливать, все равно там чай будет. Я его не мою даже, незачем. Дома чай из него называется «Охотничий чай». Где только ни была эта нержавейка моя. Все охоты с ней.

Пока стою, вечер совсем упал, но снег светит ярко, широко. Деревья стоят ровно краями полей, до самого леса, сверху хорошо видно, далеко. В этих лесополосах грибов немерено, хоть мешками поднимай. Да, у нас тут везде так, это ж Алтай!

Домой бы ехать, а я все стою, смотрю, как темнота приходит и вечер спать укладывается в чистом поле. Двигатель заводит не хочу, тишину пугать, так и стою, там еще пара глотков чая есть. Я чай-то домой не вожу, охота должна быть длиной в один термос. Надо допить, потом... Баня...

На время глянул, все, стопилась уже, только б жена не прошляпила, чтоб и не перетопить, и жарко было. Баня, она дело тонкое, пунктуальное.

В бане у меня полки в парной кедровые, сухие, без смолья, и в мойке, комнатке махонькой отдельной, там тоже скамейки кедровые, там же купленная по случаю старинная шайка, настоящая, от времени черная и седая краями как высохнет, только из нее ополаскиваюсь. Как и те, кто задолго до меня с ней в баню ходили, с нее вода теплее и чище. Все, домой, баня!

Машину завел, и тихонечко, не торопясь ползу себе, сигаретку опять, окно приоткрыл, вечер в лицо холодный, дышу. Подмерзает. Вроде небо почище стало и звезды повылазили, вверх глянул, вот так да! Глушу движок, голову задрал. Господи! Сколько ж их тут?!.. Млечный путь над головой светит, в небе, как петарда взорвалась, звезды искрами во все стороны... Какой он... мир-то, большой, небо, звезд вон сколько... а я-то чего здесь? Как я здесь оказался? Что это передо мной? Или это я пред стою? И чувствуешь вдруг — на колени бы встать надо перед всем вот этим и спасибо говорить всеми словами, всеми, которые только знаешь или слышал когда. А за что спасибо и сам не знаешь, просто — спасибо. Чуть ведь не встал... Удержался. Штаны, колени мочить не захотел, запачкаю, жена заругает, эх...

Чай-то кончился, а я стою. И время как остановилось. Тишина. Темно уже, только звезды снегом отражаются, искрят. Лишнее все ушло, не видно даже деревьев, так, темное что-то далеко... Домой бы надо, ждут там. Баня... Да и горка березовая ждет, в поленицу надо складывать... ◀